

Оксана Аркадьевна Якименко

Старший преподаватель, филологический факультет, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. 191186, набережная реки Мойки, 48. E-mail: oxana.yakimenko@gmail.com

Полигlossия в современной венгерской литературе: разнообразие авторских стратегий

В статье демонстрируются основные тенденции и стратегии использования в венгерской литературе многоязычия, характерного для пограничных регионов, соседних с Венгрией стран, на территории которых проживают венгерские меньшинства. Автор прослеживает тенденцию к более активному использованию полигlossии как приема и выразительного средства в венгерской литературе конца XX — начала XXI в. и приводит примеры перехода от простой фиксации фактов говорения на нескольких языках и стремления сохранить максимальную близость с единой венгерской литературой, избегая регионализмов и вкраплений на других языках, к внедрению в тексты иноязычных слов, предложений и целых фрагментов на языках, в пространстве которых венгерские языковые меньшинства существовали и продолжают существовать на протяжении последних ста лет. Предметом рассмотрения служат прозаические произведения венгерских авторов — как уроженцев ближнего венгерского зарубежья, так и родившихся на территории современной Венгрии (или переехавших в Венгрию из соседних государств). В статье приводятся фрагменты произведений, ранее не переведившихся на русский язык, что позволяет ознакомиться с многообразием полицентричной венгерской литературы, создаваемой в пространстве других национальных литератур.

Ключевые слова: венгерская литература, полицентризм, транскulturализм, мультикультурализм, билингвизм

Венгерская литература — как внутри Венгрии, так и за ее пределами — привычно понимается многими исследователями, находящимися вне непосредственного «центральноевропейского поля», как литература, создаваемая исключительно на венгерском языке, пусть и с вкраплениями регионализмов и диалектизмов или отдельных слов на румынском, сербском, словацком, украинском или немецком

языках (а также — русинском, русском и других)¹. С помощью таких маркеров авторы (любой, не только венгерской литературы) обозначают обычно место действия и указывают на степень ассимиляции того или иного героя, его этническую принадлежность.

Однако в реальности венгерская литература создавалась и продолжает создаваться отнюдь не в моноязычном пространстве, но в окружении и при непосредственном участии людей, для которых венгерский язык совершенно не обязательно являлся родным, да и сама венгерская литература, если рассматривать ее в историческом контексте, далеко не сразу начала существовать на венгерском языке — достаточно упомянуть писавшего на латыни и обучавшегося в Италии хорвата и при этом первого венгерского поэта Яна Паннония (1434–1472) или предположительно немецкоязычного автора первой венгерской исторической песни «Взятие Сабача» (1476). Литературовед Золтан Немет предложил рассматривать подобные явления, равно как и произведения, создаваемые на венгерском языке не его носителями с использованием специфических тем, литературных и культурных традиций, опыта и языковых особенностей, не свойственных прежде принимающему языку и созданной на нем литературе, как «мигрантскую литературу» (*migráns irodalom*), распространяя этот термин, широко применявшийся исследователями постколониальной литературы в конце 1990-х годов и впоследствии актуализированный в начале XXI в. в рамках полемики о «транскультурной», «новой мировой» и «мультикультурной» литературе², и на венгерскую литературу. При этом Немет отнес к «мигрантской литературе» и произведения венгерских писателей-реэмигрантов, а также переселившихся в Венгрию из ближнего зарубежья (Трансильвании, бывшей Югославии — в ходе войны), и наоборот, уехавших из страны авторов, а также тех, кто оказался жертвой насильственных переселений (например, словацкие венгры, переселенные после Второй мировой войны в места, где прежде жили судетские немцы)³.

¹ Список языков, вкрапления из которых можно встретить в текстах венгерской литературы, безусловно, намного обширнее, однако я сознательно не касалась, например, английского или русского языка, так как их использование в литературе иллюстрирует формы многоязычия, выходящие за рамки, обозначенные в статье.

² См., например: Thomsen 2008.

³ Németh 2018a: 63–66. Следует отметить, что Немет отнес к этой категории и литературу, описывающую опыт людей, мигрирующих из деревни в город, однако,

Было бы закономерно предположить, что обилие авторов-билингвов (и полилингвов), постоянное смешение языковых и культурных пластов в регионе отразится в полной мере и в венгерских литературных текстах. Ведь по утверждению венгерской исследовательницы проблем двуязычия Чиллы Барта:

Для того, кто родился в многоязычной семье и окружении, естественно возможность трактовать реальность на нескольких языках и на основе множественных прекогнций. Как следствие, такой человек будет считать идеальным не только свой родной язык, но и второй родной язык будет проживать точно так же⁴.

Однако, несмотря на бытование венгерской литературы в пространстве других языков и билингвизм авторов, живущих в многоязычном пространстве так называемого ближнего венгерского зарубежья (территорий, до Трианонского мирного договора 1920 г. принадлежавших Венгрии, а затем ставших частью окружающих Венгрию стран) и использующих в качестве материала для своих произведений поликультурную специфику территорий, населенных представителями разных народов и носителями разных языков, полигlossия как явление встречается в венгерских литературных текстах отнюдь не часто. По оценкам венгерских литературоведов (П. Сирак, З. Немет), после Второй мировой войны и практически до смены политического строя в 1989 г. в «большой» венгерской литературе многоязычие оставалось периферийным явлением, а венгерский язык, на котором создавалась литература в Словакии, Румынии, Югославии, Закарпатье, продолжал быть единым венгерским языком, локальные варианты которого функционировали как варианты единого стандарта, а не как отдельные стандарты⁵. Признавая венгерский язык полицентричным, З. Немет предложил говорить об «асимметричном полицентризме»⁶ венгерского языка по причине явного доминирования языковой нормы, принятой в Венгрии.

поскольку в этом случае с точки зрения языка следует говорить, скорее, о столкновении и взаимопроникновении диалектов и литературного языка, я выношу данную группу за рамки этой статьи.

⁴ Bartha 1999: 35–36.

⁵ Подробнее об этом см., например: Szabomihály, Lánstyák (szerk.) 2011.

⁶ Némeht 2018b.

Венгерский литературовед Иштван Фрид, исследующий проявления полигlossии в литературе Венгрии и, шире, Центральной и Восточной Европы на протяжении почти сорока лет, объяснил историческую маргинальность многоязычия в венгерской литературе, точнее, ограниченность его проявлений непосредственно в текстах (например сведение к языковым характеристикам персонажей или групп персонажей, как у Калмана Миксата⁷) тем фактом, что эпоха формирования венгерского литературного языка в его современном понимании совпала «с тем, что принято называть периодом языкового национализма», когда, с одной стороны, шел процесс демократизации, и любой, кто говорил и писал на этом новом литературном языке, становился частью народа/нации, а с другой:

Из нации исключались все, кто принадлежал к общности с иным родным языком, <...> в результате потребность принадлежать к выбранному языку могла сопровождаться отдалением от другого языка, что способствовало моноязычию — в отличие от прежнего, довольно широко распространенного многоязычия⁸.

Стремление создать литературный язык, способный стать в один ряд с другими европейскими языками, в конце XVIII в. оттесняет литературное многоязычие «главным образом, в субкультуру, в сферу литературной/языковой игры»⁹. Если полигlossия и фиксируется в текстах, то это, прежде всего, народная поэзия или авторские тексты макаронического характера¹⁰. Также характерно смешение языков

⁷ Кальман Миксат (Mikszáth Kálmán, 1847–1910), один из крупнейших венгерских прозаиков второй половины XIX — начала XX в., родился на территории современной Словакии, героями его рассказов и романов, ставших классикой венгерской литературы, нередко оказывались жители многоязычного комитата Ноград (ныне — Банскобыстрицкий край, Словакия). См., например, сборники «Братья-словаки» и «Добрые палоты» (1881). Любопытно, что в современной Словакии периодически пытаются представить Миксата как «забытого словацкого писателя». См. также заочную полемику З. Немета с автором одноименной книги П. Криштуфком: Németh 2017.

⁸ Fried 2011: 63.

⁹ Fried 2011: 64.

¹⁰ Макароническая, то есть изобилующая иностранными словами поэзия, особенно песенная лирика — явление, характерное для региона. Эндре Даниелис в статье «Макароническая народная песня» (Dánielisz 1977) привел десятки примеров макаронизмов в венгерской литературе: у Я. Чоконаи, Я. Араня, Ш. Петефи, М. Йокаи и других авторов, причем речь идет не только о латинских, но и о словацких, хорватских, русинских и прочих иноязычных вкраплениях.

в сказках (см. работы Ш. Домокоша и Й. Фараго, посвященные венгеро-румынским сказкам и балладам¹¹).

Учитывая описанные выше тенденции, количество текстов, в которых так или иначе можно наблюдать феномен многоязычия, в венгерской литературе («внутренней» и «внешней») вплоть до 1960-х годов оставалось небольшим. Именно поэтому для анализа были отобраны произведения, созданные в последние три десятилетия XX в. и в начале XXI в. либо писателями-носителями венгерского языка, уроженцами ближнего венгерского зарубежья (Лайош Грендел, Нандор Гион, Андреа Томпа)¹², либо венгерскими писателями, родившимися и живущими в Венгрии, но, в силу разных причин, связанных с языками и культурами окружающих Венгрию стран (Миклош Месей (1921–2001), Пал Завада).

В первой половине и середине XX в. не представленная в полной мере в литературе полигlossия постепенно вытеснялась и из общественного пространства в силу разнообразных, чаще всего политических и экономических причин. Об утрате бытового многоязычия в середине прошлого столетия рассуждал в произведениях родившийся и живший в Словакии венгерский писатель Лайош Грендел (1948–2018):

В моем детстве город был абсолютно двуязычен. Не только венгры говорили по-словацки, но и большинство словаков прилично знали венгерский, и двуязычие еще не было вытеснено из магазинов и учреждений. Какой же рай мультикультурализма можно было бы здесь создать!¹³

В собственных же прозаических текстах, созданных на венгерском языке, Грендел часто указывал на различную степень многоязычия героев, однако нередко передавал это многоязычие описательно:¹⁴

¹¹ Domokos 1968, Faragó 1955 и др.

¹² Эти писатели представляют три важнейшие венгерские субкультуры в сопредельных с Венгрией государствах: словацкую, воеводинскую (Сербия) и трансильванскую (Румыния).

¹³ *Grendel L. Böske néni kalaptűje // Grendel L. Hazám Abszurdisztán. Pozsony: Kalligram Kiadó, 1998. 47. old.* Здесь и далее все приведенные фрагменты венгерских литературных произведений даны в переводе автора статьи, так как ранее на русский язык не переводились, за исключением текстов Пала Завады и Отто Толнаи, переводчики которых указаны отдельно.

¹⁴ Здесь и далее курсив мой.

Сын Пишти что-то понимал *по-венгерски*, но говорил на словацком — на этом языке он мог выразиться легче и точнее.

— Вижу, вы не совсем понимаете, о чем речь. У отца вчера случился ужасный приступ. <...>

— Там у него будет отдельная комната, — мечтательно произнес сын, — все будет. *Гроссмутти* уже на ладан дышит. (“Гроссмутти”? До чего мы дошли!) — *произнес он по-венгерски*¹⁵.

Аналогичным образом явление полиглоссии изображал в текстах венгерский писатель — живший в Сербии — Нандор Гион (1941–2002): «Мать говорила с ними по-сербски, но у детей с окрестных хуторов они научились венгерскому»¹⁶. В романе «Золото нашел», заключительном томе тетралогии о судьбах жителей Бачки — региона, входящего в состав сербской Воеводины¹⁷ и венгерского комитата Бач-Кишкун, — Гион, почти не используя в тексте сербские вкрапления, постоянно подчеркивал присутствие сербского языка и культуры и их непростое сосуществование с венгерскими:

<...> с окончанием войны Сильвестр Дёме выступил удачно, <...> взял в жены Любицу, сербскую девушку из деревни Катъ. В Кате живут зажиточные сербские семьи. Любица, правда, хоть и не из такой семьи была родом, но все же принесла счастье Сильвестру — приехала в Девечер *с сербским пониманием жизни*, они себе один из хуторов в Шаги и прикупили. <...> Любица родила двух дочерей, одну назвала Лепосавой, вторую — Бояной, *говорила с ними только по-сербски*, как и с мужем, а Сильвестр Дёме послушно *выучил сербский* и принялся преумножать семейное добро¹⁸.

Ситуации, аналогичные описанной в приведенном примере, встречаются у Гиона почти в каждом романе: «Штефан работал с удовольствием, научился объясняться *по-сербски*, шутил с людьми, когда те приносили палинку» («Цветочный солдат»)¹⁹; «Мать говорила с ними *по-сербски*, но у детей с соседних хуторов они научились

¹⁵ *Grendel L. Az utolsó reggeli, regényrészlet // Jelenkor. 2013. 56. éfv. 2. sz. 127. old.* Было бы преувеличением утверждать, будто Грендел вовсе не использовал в текстах полиглессию как прием (речь об этом идет ниже в статье).

¹⁶ *Gion N. Aranyat talált. Budapest: Osiris, 2002. 838. old.*

¹⁷ Многочисленное венгерское население современной Воеводины, до 1918 г. находившейся в составе Венгерского королевства, через образовательные и культурно-просветительские организации сохраняет язык и национальную идентичность.

¹⁸ *Ibid.* 835.

¹⁹ Цит. по: Kurcz 2015: 107.

венгерскому» («Золото нашел»)²⁰ и т. д. Однако, указывая на многоязычие своих героев, автор последовательно вычищал из текстов регионализмы. И. А. Курц в исследовании «Идентичность и история в прозе Нандора Гиона» отметил:

Кроме нацарапанного на стене “*Bezi, Kurta...*” и первых слов народной песни “*Tamo daleko*” в произведениях [Гиона] сербских вставок не встречается: реплики сербов и немцев, к примеру, всегда даны на венгерском, и указание на то, кто на каком языке говорит, попадает лишь периодически²¹.

Сознательное стремление уйти от регионализмов в случае Гиона, по мнению Курца, вызвано тем, что писатель, равно как и другие участники литературного движения, объединившегося вокруг журнала «*Új Symposion*» («Новый симпозиум»), важнейшего органа венгерских литераторов в бывшей Югославии (1965–1992), мыслили категориями единой венгерской литературы и предназначали свои тексты для всей венгероязычной читающей публики, то есть использовали универсальный, свободный от вкраплений других языков венгерский литературный язык, не желая, чтобы их произведения «оказались в языковой и культурной изоляции»²². Согласно еще более радикальному мнению Белы Помогача, «в случае с венгерскими литературами мы вообще не можем говорить о национальных различиях»²³.

Если для поколения Грендела и Гиона характерна стратегия фиксации полигlossии без непосредственного использования элементов других языков как в речи героев, так и в авторской речи, обусловленная желанием сохранить органическую связь с «материнской» венгерской литературой и не превратиться для читателя, живущего в самой Венгрии, в «экзотических» авторов из венгерских заповедников на территориях, прежде принадлежавших Венгрии в составе Австро-Венгерской монархии, то следующая генерация писателей выбрала иной путь и зачастую превращала полигlossию в художественный прием. Исследуя положение языковых и культурных меньшинств на территории Венгрии, аналогичную стратегию выбрали

²⁰ Ibid. 155.

²¹ Kurcz 2015: 203.

²² Ibid. 204. Справедливости ради следует отметить, что отнюдь не все авторы «*Új Symposion*» шли аналогичным путем: см. далее в статье о творчестве Отто Толнаи.

²³ Pomogáts 1995: 7.

и представители более старшего поколения в поздних произведениях, как в случае с Гренделом, который описывал жизнь венгров в условиях, где они являются «национальным меньшинством» и существуют в ситуации активного многоязычия.

Рассуждая о смене канона и новом контексте региональности после политического поворота 1989–1990 гг., Петер Сирак связал коренную трансформацию дискурсивного поля и литературной системы с обрушением советской и имперской системы: «Культурная функция литературы, <...> ее почти исключительная роль в формировании идентичности в кругу элит во всем регионе, похоже, сокращается»²⁴. Демократическая или, наоборот, крайне националистическая борьба за новую идентичность повлияла на межкультурные взаимодействия в литературе. «Появились тексты, которые не просто тематизируют, но инсценируют культурное сопоставление»²⁵. Похожую мысль высказывал и словацкий венгерский поэт и литературовед А. Мижер:

Смысл понятия “венгероязычная литература” на данном этапе слишком многосоставен, чтобы его можно было сузить до круга вопросов, связанных с “венгерским словарным запасом” и “венгерской фразеологией”. <...> Современный образец словацкой венгерской литературы (т.е. канон, иерархия, отношения поколений между собой, институциональная система) органически связан со структурой венгерской литературы после смены режима, и в широком смысле может быть сведен к смене парадигмы, произошедшей в начале восьмидесятых годов вместе с произошедшим в Венгрии прозаическим поворотом, а также с трансформацией поэтического языка, и давшей о себе знать во всей венгерской литературе²⁶.

Следует также отметить, что многоязычие — как разнообразие не только естественных языков, но и языков различных социальных и региональных групп — характерно для современной венгерской литературы вообще. Под современной я понимаю здесь литературу многожанровую, разнообразную по технике, несущую в себе элементы как исторического модернизма журнала «*Nyugat*» («Запад»), так и постмодернизма представителей «поворота в венгерской прозе»²⁷,

²⁴ Szirák 2000: 49

²⁵ Szirák 2000: 54–55.

²⁶ Mizser 2018: 55

²⁷ «Поворот» в венгерской прозе (*prózafordulat*) — радикальная трансформация письма в конце 1970-х — начале 1980-х годов и появление целого поколения писателей,

и, безусловно, тексты более ранних и оказавших огромное влияние на формирование языка венгерской литературы Г. Оттлика и М. Месея, и органически связанных с этими писателями поколений венгерских авторов вплоть до сегодняшнего дня. Достаточно вспомнить тексты П. Эстерхази, П. Надаша, Д. Шпиро, Л. Парти Надя и авторов следующего поколения — Я. Хаи, Л. Мартона, С. Борбея и др.

Сознательное использование полигlossии для иллюстрации сосуществования нескольких естественных языков в смешанной культурной среде в «материнской», «магистральной» венгерской литературе в качестве художественного приема на более раннем этапе встречается в 1960-е годы у Миклоша Месея в романе «Смерть атлета» (1966), главный герой которого выдающийся спортсмен Балинт Эзе накануне смерти оказывается в трансильванской Владеасе (венг. Видязо) в горах Бихор (Бихар). Месея сам часто бывал в Трансильвании²⁸, много размышлял в письмах и интервью о судьбе венгров и венгерского языка в Румынии²⁹ и вообще активно интересовался венгероязычной литературной жизнью ближнего зарубежья, в том числе и в Югославии. В «Смерти атлета» румынский язык присутствует как органическая составляющая языковой ткани. Находясь в Трансильвании, герой участвует в ситуации полного двуязычия — беседует с румынской женщиной, которая относится к нему настороженно и, очевидно понимая заданные на венгерском вопросы, отвечает все же по-румынски (венгерский перевод ее реплик Месея приводит в постраничных сносках), но в последний момент переходит на венгерский:

— Не знаете, где тут в деревне пели? Недавно... минут сорок назад.
— Nu, doamnă, — она снова отрицательно покачала головой. —
Bărbatul meu nu-i a casă. Copiii dormeau. [*Хозяина дома нет. Дети спят.*]

изменивших венгерскую литературу. Начало его связывают с именами Г. Оттлика и М. Месея. Подробнее см.: Якименко [2018].

²⁸ Регулярные поездки Месея в Трансильванию были, в первую очередь, связаны с тем, что его жена, писательница, танатолог Ален Польш была уроженкой Трансильвании — она родилась в Клуже (венг. Коложваре), там жили ее родственники, которых они часто вместе навещали. Современный Клуж с его значительным венгерским населением остается одним из ведущих центров венгерской культуры и образования в Румынии.

²⁹ В этой связи нельзя не упомянуть и его «Записку о политических возможностях урегулирования венгеро-румынских отношений» (1988), составленную совместно с Петером Балаша и Габором Чордашем.

— Мальчик один заходил наверх в кабану [*гостевой дом*], сказал, нас тут ждут.

— Aici? [*Здесь?*]

— Да... где-то здесь.

— Nu. Nu Poate la Badea George. [*Нет. Не знаю. Может У Георга Бадэа.*] У них вчера крестины были. Feciog [*Мальчик*] — улыбнулась она. — Это они обычно молоко в кабану носят³⁰.

Многоязычие стало мотивом еще одного романа Месея — «В точности как все было, проездом» ([1968], 1970), где писатель рассказал историю от лица венгерской женщины, приехавшей навестить родственников в румынскую Трансильванию, создавая «картину страха, страдания, нищеты, размывания и утраты национальной идентичности трансильванскими венграми»³¹. Хотя непосредственных вкраплений на румынском в тексте романа почти нет, автор постоянно подчеркивал, что родственники героини регулярно переходят на румынский, вставляют румынские слова: «Я пытаюсь говорить *по-румынски*, чтобы Фира тоже поняла»; «Фира напряженно прислушивается, мы повторяем ей *на румынском*»; «[Вали] едва в состоянии разлепить глаза ото сна, запускает руку в волосы, что-то бормочет *по-румынски*, потом опять исчезает»; «Знаешь, *по-румынски* это куда лучше звучит. Намного приятнее»³² и т. д. О равнозначном использовании обоих языков речь заходит только в контексте обращения к высшим силам, к Богу: «Есть у меня молитва, я ее сам написал. Недлиная, очень красивая. Я ее на нескольких языках обычно произношу, если разом приходит много народу. По-румынски, по-венгерски, по-немецки — чтобы помогли храму»; «Бог и не слушает даже, когда человек к нему обращается, мне часто кажется, он ни по-венгерски, ни по-румынски не понимает»³³. По мнению писателя и критика Тибора Түшкеша, активно переписывавшегося с Месеем в том числе и по «румынскому вопросу», именно «трансильванская тематика и критический тон романа» привели к тому, что издательство («*Magvető*») задержало публикацию текста по прямому указанию

³⁰ *Meszöly M.* Az atléta halála. Pécs: Jelenkor kiadó, 1998. 219. old.

³¹ Tűskés 2003.

³² *Mészöly M.* Pontos történetek, útközben. Pécs: Jelenkor kiadó, 2001. 85., 126., 316., 358. old.

³³ *Ibid.* 136., 329. old.

ЦК, а сам роман впоследствии, когда был-таки напечатан, подвергся резкой критике³⁴.

Следует, однако, признать, что в целом в венгерской литературе 1970–1980-х годов рассматриваемый в статье тип многоязычия оставался периферийным элементом, и фиксировали его в текстах чаще писатели, создававшие произведения на венгерском языке за пределами Венгрии³⁵. Как сказано выше, выход за пределы характерной для Венгрии венгерской языковой нормы за счет внедрения языковых норм венгероговорящих сообществ ближнего зарубежья характерен, скорее, для начала 1990-х годов. Возможно, одним из самых важных прорывов в этом направлении стал роман венгерского писателя словацкого происхождения Пала Завады «Подушка Ядвиги» (1997), который многие литературоведы (Немет, Сирак и др.) рассматривали как катализатор расширения языковой картины венгерской литературы в начале XXI в. В «Подушке Ядвиги» автор соединил в одном тексте литературный венгерский и архаичный вариант словацкого языка (на котором говорили и пока еще продолжают говорить представители словацкого национального меньшинства, проживающие в комитате Бекеш на территории Венгрии), позволяя изнутри увидеть, как менялось мультикультурное пространство на протяжении первой половины XX в.

Для венгерского читателя довольно большие куски текста на словацком языке (причем в его диалектном варианте) стали настоящей неожиданностью. Роман состоит из двух дневников и комментария к ним. И дневники, и комментарий — выдуманные, но за судьбами персонажей встает тщательно реконструированная историческая реальность — летопись жизни словацкого меньшинства сначала в Австро-Венгерской империи, а затем в независимой Венгрии. Столкновение культур и судеб отражается и в постоянном смешении языков: «автор» основного дневника Андраш Остатни³⁶ все время перемежает речь словацкими фразами, вдова героя, Ядвига Остатни — после

³⁴ Tüskés 2003.

³⁵ Несмотря на различные политические обстоятельства, венгерская литература, безусловно, сохраняла и продолжает сохранять определенное единство. Все упоминаемые в статье авторы регулярно печатались в венгерских журналах, некоторые — как, например, Адам Бодор в 1982 г. — даже переезжали в Венгрию на постоянное место жительства.

³⁶ *Ostatný* (словацк.) — остальной, другой.

смерти мужа она вписывает в его дневник свои комментарии — владеет несколькими европейскими языками, но словацкого не знает, а сын героев Мишо, своеобразный «осколок» старого мира, растерявший все, чем владели его родители (и в прямом, и в переносном смысле), дополняет тексты родителей собственными рассуждениями на странном, порой примитивном и неуклюжем, «недовенгерском» языке. Пал Завада (род. в 1954) сделал попытку воссоздать естественное двуязычие словаков г. Тоткомлош, еще существовавшее в первой трети XX в., но затем постепенно сошедшее на нет. О степени владения словацким языком современных жителей и процессах, повлиявших на степень двуязычия в этом регионе сегодня сам Завада рассказал в интервью:

Продолжалось овенгеривание. Частные хозяйства прекратили свое существование, были созданы колхозы, ставшие местом коллективного труда для крестьян, что способствовало овенгериванию, ведь венгерский стал для них общим рабочим языком. Плюс школа, конечно, пионерское движение. Правда, были и словацкие школы, но туда мало кто ходил, да и дальше качественно продолжать образование на словацком было невозможно. вообще <...> словацкий, на котором там говорят или в Бекеше, это, скорее, диалект. Изолированный века с шестнадцатого. Очень архаичный. На литературном словацком хорошо сейчас говорит только тот, кто учился в Пожони (Братиславе. — *О.Я.*)³⁷.

По наблюдению З. Немета, «мультикультурные слои становятся видны не только через использование того или иного языка, но и через орфографию: об этом свидетельствует и овенгеренная орфография словакоязычного текста»³⁸. Представление об организации текста «Ядвиги» дает фрагмент оригинального текста романа и его перевод на русский язык³⁹:

³⁷ См.: Интервью Пала Завады журналу «Прочтение». URL: <https://prochтение.org/geo/29529> (дата обращения: 11.02.2020).

³⁸ Németh 2008.

³⁹ Вопрос перевода подобных текстов, на мой взгляд, заслуживает отдельного серьезного исследования. В случае с «Ядвигой» представляют особый интерес перевод романа на словацкий (выполнен Ренатой Деак в 1999 г.), а также проблема графического оформления текста на русском.

Mert az Öreggel ma üzenet érkezett. Anyám dühös. Elég legyen most már a kujtorgásból, korhelykodásból, Húsvétra takarodjak haza, Keresztapák jönnek, vasárnap templom, hétfőn locsolkodás! (Gregor persze nem e szavakkal adta át, de vissza tudom én fejteni, miként szólhatott.)

Hát a feleségem nem mondott semmit?

Ályeee... dacsonyi, nyögte az öreg, hogy de, mert ő is odajött aztán, zse potom hát... aj ona visla...

No, a cso?

Aj ona vavela...

Úgy mondjad, Sztari, ahogyan ő mondta!, megértetted?, csak úgy!

Hát zse... nyevje, ako sa mőzsés takto szprávaty... zse sznyov pred seckov rogyinov...

Toto mi odkázala?

Hát... nyi tak, zse odkázala, hát mnye vavela...*

*Dee... dehogysnem... hogy utána hát... ő is kijött. — No és mi(t mondott)? — Ő is mondta. — Úgy mondjad Öreg, ahogyan ő mondta. — Hát hogy... nem tudja, hogyan lehet neked magadat így viselni... hogy övele így az egész rokonság előtt... — Ezt üzente nekem? — Hogy hát... nem úgy, hogy üzente, hát énnekem mondta.

Különb en itt azt, hogy “Ona vavela” (“Ő mondta”) azt nő mondta, mert ona. Magyarban rossz, hogy nem lehet így mondani, hogy tudnánk, hogy nő mondta vagy férfi. Vagy olyat se hogy: Moja. Szerintem szép szó csak így egy szóval, hogy MOJA. Ami annyit tesz, hogy

Нынче пришла со Стариком весточка — Матушка в гневe. Хватит кутежей и гулянок — чтобы к Пасхе дома был, Крестный с семьей придет, в воскресенье — в церковь, а в понедельник — поливать! (Грегор, конечно, передал все своими словами, но не трудно догадаться, что говорила Матушка.)

— А жена ничего не сказала?

— Ай-й-й... дачони, — прокряхтел старый, — ну, да, она тоже вышла же, потом... ай она вишла...

— Но, а чо?

— Ай она вavela...

— Говори, Старый, так, как она сказала! Понял? Только так!

— Ну, же... неvье, ако са можеш такто справать... же снѣв пред шецков родинов...

— Тото ми одказала?

— Ну... ни так, же одказала, мне vavela...*

*Нет... нет, конечно... словом, потом... она тоже вышла. — Ну, и что (сказала)? — Она то же сказала. — Говори, Старый, как она сказала. — Словом... не знает, как можно так себя вести... с ней на глазах у родственников... — Она просила это передать? — Ну, в общем, не передать — это она мне сказала.

А “Ona vavela” (“Ona сказала”) — это в женском роде, потому что она. В венгерском плохо, что нельзя сказать так, чтобы было ясно: женщина говорит или мужчина. Или: Моя. По-моему, красиво звучит так, одним словом: МОЯ. А значит это моя жена.

az én nejem. Vagy hát nő nemű valaki, aki enyém. Ezen a szavon többször el is morfondírozok, mert olyanon nekem sose volt. Csak Anyusom, de arra nem lehet így mondani, hogy moja, csak feleségre a férj. Mondjuk, ha kocsmában hallok tótul: Megyék aszongya, mert moja már vár ebédelni. Moja ma csaká uzs na obed.

*То есть особа женского пола, принадлежащая мне. Часто размышлял над этим словом, потому что у меня-то такой не было. Только Матушка, но про нее «моя» не скажешь — это только для мужа и жены. Когда, скажем, в кабаке кто-то говорит по-словацки: Поиду-ка, а то моя с обедом ждетась. Моя ма чака уж на обед)*⁴⁰.

В венгерском тексте писатель не просто сделал словацкие фразы частью «главного» дневника Андраша Остатни, но и отрефлексировал их употребление посредством комментариев сына Мишо, и, таким образом, сделал текст более комфортным для венгерского читателя. Постепенное замещение словацкого языка венгерским — метафора «распадающейся, ассимилирующейся культуры»⁴¹, зеркальный вариант вынужденного отказа от венгерского языка у героев Грендела.

После успеха «Подушки Ядвиги» авторы стали действительно более активно работать с иноязычной составляющей в венгерском тексте. Так, например, похожим образом использовал немецкий язык в «Швабской трилогии» Роберт Балог⁴² («Швабский евангелион», 2001, «Швабский легендарий», 2004 и «Швабский дневник», 2007). Примечательно, что при обращении к более современным проявлениям многоязычия авторы уже не обязательно использовали его для демонстрации ущемления одной культуры другой или недоверия носителей разных языков друг к другу. Так, в романе Дёрдя Норберта⁴³ «Клара» (2004) читатель сталкивается с современным вариантом смешанного венгеро-словацкого наречия, где венгерский доминирует, но словацкие элементы активно встроены в монолог главного героя и создается ощущение особого

⁴⁰ *Závada P. Jadviga párnája.* Budapest: Magvető, 1999. 96. old. *Závada P.* Подушка Ядвиги / пер. с венгерск. В. Попиней, О. Якименко. СПб.: Симпозиум, 2016. С. 82.

⁴¹ Németh 2008.

⁴² Балог Роберт (род. в 1972) — венгерский писатель, уроженец г. Печ на юге Венгрии, края с XVIII в., после освобождения среднего Подунавья от османов, заселявшегося немецкими колонистами (швабами). Их потомки проживают в крае, создают культурно-просветительские и образовательные организации, призванные сохранить свое этническое и языковое своеобразие.

⁴³ Норберт Дёрдь (род. в 1972) — венгерский писатель и режиссер, уроженец Словакии (г. Левоча, по-венгерски Лёче).

языка, не мешающее пониманию текста венграми, не знающими словацкого, о чем свидетельствует рецензия Тимеи Пензеш:

Книга изобилует разнообразными странными словами, попадаются и словацкие — *podnyik, szlobodárka, andulka* <...>, своеобразное словообразование — *kitávkapcsolóz, bethurgauzik*. Попадают и славянские пассивные конструкции. <...> Приятно в ней это поверхностное знание из детства, как минимум для словацких венгров, но если этого знания нет, приятно ощущать, что есть *друзие* слова, которые не обязательно понимать, чтобы прочувствовать настроение книги⁴⁴.

Вообще, рецепция текстов с иноязычными вкраплениями представляется перспективной темой для междисциплинарных исследований, особенно в свете существования еще одного типа многоязычного текста, когда автор не использует полигlossию в качестве тропа, но, владея несколькими языками на уровне, позволяющем писать на обоих, перемежает их в тексте, не «щадя» неподготовленного читателя. Примером полигlossии как естественной составляющей речи автора в венгерской литературе может служить творчество Отто Толнай⁴⁵, в частности, его повесть «Помпейские любовники» (2007), где автор вставил в венгерский текст обширные цитаты на сербском, заставляя венгерского читателя продираться сквозь непонятный славянский язык, а потом, слово бы сжалившись, дает-таки перевод), превращая опыт чтения в культурный опыт многоязычия:

S már mondja is, fejből a Na Drini ćuprija karóba húzás jelenetének eredeti, szövegű változatát. Amit persze mi is jól ismertünk. Emlékszem, az érettségire készülve én is főleg a “Na Drini” ćupriját olvasgattam, a regény karóba húzás jelenetére fókuszálva éppen. Ez, mármint hogy Róza még mindig hibátlanul tudja a jelenet leírását, kissé mégis meglepett.

И вот Роза близко к тексту, по-сербски начала по памяти цитировать сцену из “Моста на Дрине”. Ее, конечно, мы все тоже отлично знали. Помню, готовясь к выпускным экзаменам, я читал, в основном, “Мост на Дрине”, особенно сцену казни на колу. Однако то, что Роза знает ее наизусть, меня несколько удивило. Описание самой казни

⁴⁴ *Pénzes T.* Minden róla szól. Norbert György: Klára // Olvass bele. 03.04.2019. URL: <https://olvassbele.com/2019/04/03/minden-rola-szol-norbert-gyorgy-klara-2/> (дата обращения: 12.03.2020)

⁴⁵ Толнай (Тольнай) Отто (род. в 1940) — венгерский писатель, уроженец Воеводины.

Két momentumot érintett a leírás előtti részből. Mondom, eredetiben citálta, de olykor fordítását is adta (én, ügyetlen rekonstrukciómban, természetesen kénytelen vagyok Csuka Zoltán fordításával élni):

Abidaga je otišao još jednom do potaje gde mu je javljeno da je sve spremno: tu je ležao hrastov kolac, dugačak blizu četiri aršina, kako treba zašiljen, na vrhu pokovan gvoždjem i sasvim tanak i oštar, a ceo namazan dobro lojem (ott feküdt a majdnem négy arsin hosszú tölgykaró, kihegyezve, ahogyan kellett, a csúcsára illesztett egészen vékony és éles vasal, jól bekenve olajjal).

она предварила двумя цитатами. Как я уже сказал, по-сербски, иногда с переводом (восстановившая события, я, за неимением розиново таланта, использую литературный перевод Золтана Чуки⁴⁶):

Abidaga je otišao još jednom do potaje gde mu je javljeno da je sve spremno: tu je ležao hrastov kolac, dugačak blizu četiri aršina, kako treba zašiljen, na vrhu pokovan gvoždjem i sasvim tanak i oštar, a ceo namazan dobro lojem (здесь лежал очень тонкий дубовый кол около четырех аршин длины, хорошо заостренный, окованный сверху железом и густо смазанный салом)⁴⁷.

Показательно, что в начале XX в. и те из писателей ближнего венгерского зарубежья, кто прежде лишь обозначал факты сосуществования нескольких языков в регионе, начали более активно обращаться к феномену многоязычия. Так, у Л. Грендела в этот период иноязычные вкрапления выполняли в литературном произведении сложную смысловую функцию. Подробно о полиглоссии как приеме (приемах) у Грендела рассуждал З. Немет в статье «Языковые взаимодействия в современной венгерской литературе»⁴⁸ на примере романа «У нас, в Нью-Хонте» (2010), где, с одной стороны, многоязычие выступило как пародийный элемент, катализатор абсурдных и смешных ситуаций (часть действия происходит в 1945–1948 гг., когда в словацкий городок с преимущественно венгероязычным населением приходят советские солдаты и американец) — в этом случае речь идет о не слишком успешном взаимодействии носителей

⁴⁶ Русский перевод сербского текста цитируется по: *Андрич И.* Мост на Дрине. Вышеградская хроника / пер. с сербо-хорватск. Н.Н. Соколов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956; *Толмаи О.* Помпейские любовники // Венгрия за границами Венгрии / пер с венгерск. В. Попиней. М.: Центр книги Рудомино, 2015. С. 121.

⁴⁷ *Толмаи О.* Помпейские любовники. С. 53.

⁴⁸ Németh 2008.

венгерского языка с представителями «империй», чьи языки оставались для местных жителей непроницаемыми, но позволяли при этом сохранять собственную языковую идентичность; с другой стороны, в сценах, где носители венгерского языка вынуждены общаться со словацкими властями на ломаном словацком, читатель почти физически ощущает, как мучительно пытаются герои объясняться на чужом для них языке в ситуации, когда им запрещено пользоваться родным языком не только в официальной, но и в бытовой обстановке (на улице, в магазине), и в этом случае столкновение языков дает трагический эффект.

Примерно в это же время Андреа Томпа⁴⁹ опубликовала роман «Дом палача. Истории из Золотого века» (2010). В этом и в двух последующих романах трилогии о тоталитарном режиме в Румынии и его последствиях для венгероязычного населения Трансильвании («С головы до пят. Два врача в Трансильвании», 2013 и «Омерта. Книга молчания», 2017) рассказчиками выступают люди, в разной степени сохранившие или не сохранившие свою венгерскую идентичность в условиях ее подавления румынскими властями или сумевшие обрести так называемую гибридную, пограничную идентичность.

В основанном на архивных документах и личных дневниках романе «С головы до пят. Два врача в Трансильвании»⁵⁰ главные герои, от лиц которых ведется повествование, по-разному воспринимают окружающее их разнообразие культур и языков. Конфликт языков подчеркивает непростой характер отношений между этническими венграми и венгероязычными представителями других национальностей в Трансильвании, и служит, по мнению К. Ж. Винце, развенчанию «ностальгического мифа о Трансильвании» как о самом чистом источнике венгерской культуры.⁵¹ Изначально ориентированные на венгерскую идентичность герои (оба, например, поддерживают идею о том, что представители меньшинств должны сменить свои фамилии на венгерские) после окончания Первой мировой войны сами вынуждены выучить румынский как новый

⁴⁹ Томпа Андреа (род. в 1970) — венгерская писательница, уроженка Румынии (г. Клуж-Напока).

⁵⁰ В оригинале в названии романа «*Fejtől s lábtól — Kettő orvos Erdélyben*» использована форма числительного «два» — «*kettő*» вместо «*két*», что уже само по себе ориентирует читателя на использование регионального варианта венгерского языка.

⁵¹ Vincze 2014: 114.

официальный язык: герой — для того, чтобы сделать карьеру, героиня — чтобы показать, насколько она либеральна и терпима к представителям любых национальностей. При этом в разговоре о новой языковой ситуации рассказчица называет румын «влахами» (*oláh*)⁵², чем невольно выдает свое пренебрежительное отношение к носителям других языков (сама же при этом говорит на диалекте венгерского языка):

Среди иностранных языков больше-то всего влашский ухо режет, и смотрят еще на тебя свысока, будто они тут хозяева. А саксы — не речь, а кваканье одно!.. Все зизинские влахи по-венгерски тоже понимают, мешают, конечно, оба языка... Пол-деревни румыны, а все равно говорят на венгерском, а не наоборот⁵³.

Особые смыслы гибридность обрела в нарративе одного из «рассказчиков» в романе «Омерта» — венгерского селекционера Отто Вилмоша Дечи, вынужденного переименовывать свои сорта по-румынски, чтобы вписаться в новую реальность, на этот раз после Второй мировой войны:

Тот львиный зев, что я вывел, получил потом всемирный патент. Большой красный львиный зев “Лия Рошеску” и зеленовато-желтый “Марика” — такие имена я им дал. Голландец торгует ими *под другими именами*, но это его дело. Тот львиный зев, до того, как я им занялся, был простым, крестьянским цветком, ничего особенного.

Человек из Секуритате посмотрел мою декларацию и спрашивает:

— Кто такая Лия Рошеску? Аристократка какая-то из буржуев?
— Девушка одна, — отвечаю я с запинкой.

— Влюбились в румынскую капиталистку, значит?

— Да это дочка начальника пожарной охраны, — говорю, потому как именно так ее и звали. <...> Про “Марикку” этот из Секуритате ничего не спросил — недостаточно буржуйское имя. <...> Теперь мир такой стал, что все надо прояснять, все надо объяснять⁵⁴.

У Дечи на фоне вводимой румынским правительством новой языковой политики (прекращение преподавания на венгерском

⁵² В указанный период и ранее это слово использовалось в венгерском как пейоративный этноним.

⁵³ Tompa A. Fejtől s lábtól. Kettő orvos Erdélyben. Budapest: Kalligram, 2013. 221. old.

⁵⁴ Tompa A. Omerta. Hallgatások könyve // Jelenkor. 2017. 131. old.

в университете, дискредитация венгерского языка и культуры) постоянно проскальзывают румынские слова, автор показал, как вынужденное двуязычие приводит, порой, к смешным и даже, как отметила исследователь творчества Томпа Ева Банья, шизофреническим ситуациям⁵⁵. В итоге Дечи изменил не только имена роз, но и собственное имя, превратившись из Вилмоша в Вильгельма Дечи и, в конце концов, в Гийома Дечи де Румани. Подобные трансмутации произошли и с другими героями Томпа, причем, сами они зачастую не заметили изменений и лишь смутно ощутили их через язык. Показательный пример — создание «Комиссии по наименованию сортов», для которой Дечи не в состоянии найти подходящего специалиста-лингвиста, поскольку в новой языковой ситуации те, кто мог бы выступить в качестве эксперта в обоих языках, либо сидят в тюрьме, либо боятся участвовать в языковых играх.

Полигlossия как явление и художественный прием присутствует в произведениях многих современных венгерских писателей и, безусловно, не ограничивается текстами, рассмотренными выше. Венгеро-румынское двуязычие, например, находит отражение в рассказах и романах Ж. Ланга, Ж. Паппа, А. Бодора, Ч. Сабо Роберта, Г. Виды, Д. Драгомана — особенно это касается текстов, написанных в 2010-х годах. Рамки статьи не позволяют остановиться на них подробнее, тем более что большинство перечисленных авторов вводят многоязычие в свои произведения, используя уже описанные выше формальные приемы, все чаще переходя от пояснений «сказал порумынски/сербски/словацки» к внедрению в ткань повествования иноязычных фрагментов.

Из приведенных выше примеров видно, что, в отличие от предыдущих периодов, когда авторы ближнего венгерского зарубежья и писатели-представители различных меньшинств внутри Венгрии стремились нивелировать различия, стремясь создавать тексты в рамках единой языковой нормы, в конце XX — начале XXI в. ситуация изменилась. Сегодня полигlossия как явление фигурирует в венгерских литературных текстах в разном качестве и служит различным художественным целям: а) иллюстрирует культурную, историческую и социально-политическую ситуацию в регионах, где венгерский язык сосуществует с другими языками, имеющими (или не имеющими — как в случае

⁵⁵ Bányai 2018: 237–239.

со словаками Тоткомлоша) статус государственных — в этом случае как правило, о многоязычии в тексте говорится, но целиком фразы на других языках в венгерском тексте не приводятся, авторы могут использовать иноязычные вкрапления или говорящие имена; б) работает как художественный прием; в) составляет суть языка писателя — то есть пишущий сам настолько полиязычен, что естественным образом пишет на смешанном языке, воплощая в жизнь концепцию билингвизма, описанную у Барты. За рамками данного исследования была сознательно оставлена венгерская многоязычная поэзия, однако и в поэтических текстах — у А. Тэжера, Л. Парти Надя, А. Шанты, А. Хаваши, Р. Орчика и многих других — можно проследить аналогичные тенденции.

Литература

- Якименко [2018] — Якименко О. О «повороте» в венгерской прозе // Прочтение. URL: http://prochtenie_geography_hungary.tilda.ws/ (дата обращения: 19.03.2020).
- Bányai 2018 — *Bányai É.* A hibrid rózsa. Transzkulturalizmus Tompa Andrea regényeiben // *Transzkulturalizmus és bilingvizmus az irodalomban Transzkulturalizmus a bilingvizmus v literature / szerk. Z. Németh, M. Roguska.* Nitra: Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, 2018. 233–243. old.
- Bartha 1999 — *Bartha Cs.* A kétnyelvűség alapkérdései. Budapest: Tankönyvkiadó, 1999. 268 old.
- Dánielisz 1977 — *Dánielisz E.* Makaronikus népdal // *Művelődés.* București, 1977. XXX. évf. 5. sz. 43–45. old.
- Domokos 1968 — *Domokos S.* Vasile Gurzău magyar és román nyelvű meséi. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. 393 old.
- Faragó 1955 — *Faragó J.* A szegény ember vására (székely népmesék). Budapest: Új M. Kiadó, 1955. 129 old.
- Fried 2011 — *Fried I.* Az irodalmi két/többnyelvűség — komparatiztikai nézőpontból // *Forrás.* 2011. 43. évf. 9. sz. 63–74. old.
- Kurcz 2015 — *Kurcz A.I.* Identitás és történelem Gion Nándor prózájában [PhD dissz.]. Budapest, 2015. 227. old. (рукопись).
- Mizser 2018 — *Mizser A.* Kulturális határátlépések és a regionális nyelvhasználat elemei a kortárs magyar prózában (transzfer) // *Transzkulturalizmus és bilingvizmus az irodalomban Transzkulturalizmus a bilingvizmus v literatúre / szerk. Z. Németh, M. Roguska.* Nitra: Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, 2018. 53–59. old.
- Németh 2008 — *Németh Z.* Nyelvi interakciók a kortárs magyar irodalomban // *Irodalmi szemle.* Pozsony [Bratislava], 2008. 9. sz. URL: <https://irodalmiszemle>.

- sk/2008/09/nemeth-zolstan-nyelsvi-instersakscisok-a-korstars-magyar-irosdaslomsban/ (дата обращения: 17.02.2020).
- Németh 2017 – *Németh Z.* Mikszáth, az elfeledett szlovák. 07.09.2017 // Németh Zoltán és ami mögötte van. URL: <https://nemethzoltan.wordpress.com/2017/09/07/mikszath-az-elfeledett-szlovak/> (дата обращения: 31.01.2020).
- Németh 2018a – *Németh Z.* Pluricentrikus nyelv és transzkulturalizmus a kortárs határon túli magyar irodalmakban // *Transzkulturalizmus és bilingvizmus az irodalomban Transzkulturalizmus a bilingvizmus v literatúre / szerk. Z. Németh, M. Roguska.* Nitra: Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, 2018. 59–72. old.
- Németh 2018b – *Németh Z.* Pluricentrikus nyelv és transzkulturalizmus a kortárs határon túli Magyar irodalmakban // *Irodalmi szemle.* Pozsony [Bratislava], 2018. 10. sz. URL: <https://irodalmszemle.sk/2018/10/nemeth-zoltan-pluricentrikus-nyelv-es-transzkulturalizmus-a-kortars-hataron-tuli-magyar-irodalmakban/> (дата обращения: 17.02.2020).
- Pomogáts 1995 – *Pomogáts B.* Erdélyi tükör. Budapest: Kráter Műhely Egyesület, 1995. 174 old.
- Szabomihály, Lánstyák (szerk.) 2011 – *Nyelv / szerk. G. Szabómihály, I. Lánstyák.* Somorja: Fórum Kisebbségkutató Intézet, 2011. 586 old. (Magyarok Szlovákiában. VII).
- Szirák 2000 – *Szirák P.* A regionalitás és a posztmodern kánon a XX. századi magyar irodalomban // *Nemzetiségi magyar irodalmak az ezredvégen / szerk. A. Görömbei* Debrecen: Kossuth Egyetem Kiadó, 2000. 29–57. old.
- Thomsen 2008 – *Thomsen M.R.* Mapping world literature: International canonization and transnational literatures. London: Continuum, 2008. 192 p.
- Tüskés 2003 – *Tüskés T.* Mészöly Mikós és Erdély // *Új Forrás.* 2003 (December). 35. évf. 10. sz. URL: <http://epa.oszk.hu/00000/00016/00090/031017.htm> (дата обращения: 17.03.2020).
- Vincze 2014 – *Vincze Zs.K.* Politics of memory in Andrea Tompa's novel *Fejtől s lábtól* // *Hungarian Cultural Studies.* e-Journal of the American Hungarian Educators Association. 2014. Vol. 7. URL: <http://ahea.pitt.edu/ojs/index.php/ahea/article/view/145> (дата обращения: 10.03.2020). DOI:10.5195/ahea.2014.145.

References

- Bányai, É., 2018. A hibrid rózsa. Transzkulturalizmus Tompa Andrea regényeiben. In: Németh, Z., Roguska, M., eds. *Transzkulturalizmus és bilingvizmus az irodalomban Transzkulturalizmus a bilingvizmus v literature.* Nitra: Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, pp. 233–243.
- Bartha, Cs., 1999. *A kétnyelvűség alapkérdései.* Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 268 p.
- Dánielisz, E. 1977. Makaronikus népdal. *Művelődés.* București, XXX, 5, pp. 43–45.

- Domokos, S., 1968. *Vasile Gurzău magyar és román nyelvű meséi*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 393 p.
- Faragó, J., 1955. A szegény ember vására (székely népmesék). Budapest: Új M. Kiadó, 129 p.
- Fried, I., 2011. Az irodalmi két/többnyelvűség – komparatiztikai nézőpontból. *Forrás*, 43, 9, pp. 63–74.
- Kurcz, A. I., 2015. *Identitás és történelem Gion Nándor prózájában* [PhD thesis]. Budapest, 227 p. (manuscript).
- Mizser A., 2018. Kulturális határátlépések és a regionális nyelvhasználat elemei a kortárs magyar prózában (transzfer). In: Németh, Z., Roguska, M. *Transzkulturalizmus és bilingvizmus az irodalomban Transzkulturalizmus a bilingvizmus v literature*. Nitra: Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, pp. 53–59.
- Németh, Z., 2008. Nyelvi interakciók a kortárs magyar irodalomban. *Irodalmi szemle*. Pozsony [Bratislava], 9. URL: <https://irodalmiszemle.sk/2008/09/nemeth-zolstan-nyelsvi-instersakscisok-a-korstars-magyar-irodaslomsban/> (accessed: 17.02.2020).
- Németh, Z., 2017. Mikszáth, az elfeledett szlovák. 07.09.2017. *Németh Zoltán és ami mögötte van*. URL: <https://nemethzoltan.wordpress.com/2017/09/07/mikszath-az-elfeledett-szlovak/> (accessed: 31.01.2020).
- Németh, Z., 2018a. Pluricentrikus nyelv és transzkulturalizmus a kortárs határon túli magyar irodalmakban In: Németh, Z., Roguska, M. *Transzkulturalizmus és bilingvizmus az irodalomban Transzkulturalizmus a bilingvizmus v literature*. Nitra: Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, pp. 59–72.
- Németh, Z., 2018b Pluricentrikus nyelv és transzkulturalizmus a kortárs határon túli Magyar irodalmakban. *Irodalmi szemle*. Pozsony [Bratislava], 10. URL: <https://irodalmiszemle.sk/2018/10/nemeth-zoltan-pluricentrikus-nyelv-es-transzkulturalizmus-a-kortars-hataron-tuli-magyar-irodalmakban/> (accessed: 17.02.2020).
- Pomogáts, B., 1995. *Erdélyi tükör*. Budapest, Kráter Műhely Egyesület, 174 p.
- Szabomihály, G., Lánstyák, I., eds., 2011. *Nyelv*. Somorja: Fórum Kisebbségkutató Intézet, 586 p. (Magyarok Szlovákiában. VII).
- Szirák, P., 2000. A regionalitás és a posztmodern kánon a XX. századi magyar irodalomban. In: Görömbei, A., ed. *A magyar irodalmak az ezredvégen*. Debrecen: Kossuth Egyetem Kiadó, pp. 29–57.
- Thomsen, M. R., 2008. *Mapping world literature: International canonization and transnational literatures*. London: Continuum, 2008. 192 p.
- Tüskés, T., 2003. Mészöly Mikós és Erdély. *Új Forrás*, 35, 10. URL: <http://epa.oszk.hu/00000/00016/00090/031017.htm> (accessed: 17.03.2020)
- Vincze, Zs.K., 2014. Politics of memory in Andrea Tompa's novel *Fejtől s lábtól*. *Hungarian Cultural Studies. e-Journal of the American Hungarian Educators Association*, 7. URL: <http://ahea.pitt.edu/ojs/index.php/ahea/article/view/145> (accessed: 10.03.2020). DOI:10.5195/ahea.2014.145.

Yakimenko, O., [2018]. О “povorote” v vengerskoi proze [On the “turn” in Hungarian prose]. *Prochtenie*. URL: http://prochtenie_geography_hungary.tilda.ws/ (accessed: 19.03.2020).

Oksana A. Yakimenko

Senior Lecturer, Philological Faculty, Herzen State Pedagogical University St. Petersburg, Russia. 191186, Naberezhnaia Reki Moiki, 48. E-mail: oxana.yakimenko@gmail.com

Polyglossia in modern Hungarian literature: diversity of authors' strategies

The article illustrates the major trends and strategies in employing multilingualism in Hungarian literature, especially that written by authors born and raised in the countries that surround Hungary in areas populated by polylingual groups including Hungarian-language minorities, as well as in texts describing 'internal' multilingualism within Hungary. The author explores the tendency of using multilingualism in the late twentieth and early twenty-first centuries as a method and medium of expression, and provides examples of how authors shift from merely stating the facts of polylingual speech and avoiding foreign language inclusions to keep up with mainstream Hungarian literature, to including foreign words, phrases and whole fragments from other languages into their Hungarian texts, while reflecting on the multi/transcultural environment that Hungarian minorities have inhabited over the last hundred years. The article reviews prose by Hungarian authors, who were either born in Hungary or in neighbouring countries (and who later moved to Hungary). The article features excerpts from works previously not translated into Russian, thus allowing the reader to get a closer look at the versatile and polycentric Hungarian literature created in the environment of the national literature of Central and Eastern Europe.

Keywords: Hungarian literature, polycentrism, transculturalism, multiculturalism, multilingualism, bilingualism